

Akt...

Как метроном. Вне ветра. Лист кленовый
Туда-сюда вершит ладоней такт,
А рядом мир - весёлый, бестолковый
С листа, с природы, обнажённый акт*.

И, не стыдясь укоров совершенства,
Едва ступив на мир из темноты,
Быть человеком тщиться вздох блаженства,
С которым был мгновение "на ты".

*- (нем. Akt)

в изобразительном искусстве изображение обна-
женной человеческой фигуры; то же, что ню.

Бросил ветер листья оземь
Не со зла. То просто осень
Отворила дверь ненастьям.
Где им, бедным, знать про счастье
Счёт вести унылым дням.
Человек не так упрям.
По течению судьбы
Он плывёт. Идём и мы.
Похрустеть тропинкой, лужей...
Отутюжен ветром, сужен
Наш единый трудный путь.
Ладно. Сдюжим как-нибудь!

17 июля 2017

Софит заката, свиток той дороги,
И неба клин, и облаков отрог,-
Единороги, эльфы недотроги,
О чём сказать и мог бы, да не смог,-

Всё ныне тут. Но кто, имея право,
Оправдан им, не долгом, в том ли толк.
Весны упрёк, и безнадежность славы.
Под громкий плач, когда оркестр умолк.

Жизнь - вероятность. Но не теорема.
Кому и что ты должен доказать?
Иль сочинить, на заданную тему,
И разобрать по смыслу "быть" и "стать"...

3 и. ня 2017

Полощешь взглядом утра полотно,
Следишь за тем, как грива леса
Податлива под ветреной рукой
И волнами топорщится, повеса.
Ему постылы: дня покой,
Лугов распахнутые окна,
Болота, тем, что вечно мокнут
И мир, что выдуман давно,
Но не придуман ключ к его разгадке.
Висит лишь связка для порядка...

1979, март - 27 мая 2017

Твоей руки прикосновение
На мне оставили следы.
Их незаметно появление
При свете дня и суеты,
Но стоит ночи опрокинуть
Сосуды с капельками звёзд,-
Следы в отчаяньи застынут
Из рук к тебе построив мост.

Вот так в девичестве писала,
Почто меня терзать за то?
Была. Пыталась. Не устала.
Уже познала - кто есть кто!

Nota Bene

Рецензент издательства "Молодая Гвардия" сделал пометку к стихотворению:

"Синяки?!!" (1979 год)

А всё не так...

Снегирь, как капелька калины.
Но не вблизи, с дороги. Длинной
Нам мнятся жизни, реки, дали,
Но правы мы слегка, едва ли.
В ответ Е2 лишь Е-четыре?
А всё не так, не в этом мире!
В дыму ли, в дымке, на пиру,
И оперённым - быть перу.
Да пусть ему всё будет в пору.
Без лишних слов и разговоров.

Аленький цветочек

На носу каникулы, на щеках веснушки,
Листьями, поникшие, томик Фета, Пушкина.
Где вы, руки девичьи, слёзы и объятия?
Убежали школьницы в платяцах к приятелям.

Расстарались авторы, тормозят сознание,
Между строк, по-девичьи, - встречи-расставания.
Кто-то смыслом жизненным укоряет маленьких.
Им нужна лишь искренность и цветочек

аленький...

Бестактен дождь...

Бестактен дождь. В нём нет ни рифмы и не меры
Ему не нужно репетировать премьеры.
Он регулярно представления даёт
И, как отмочит, барабаня, как зальёт...

И тротуары станут уже, шире лужи.
И зонт поломанный окажется так нужен
А дома душ, шотландский плед и тёплый кофе.
Да...дока дождь, профессор дождь и он же - профи.

Прозрачен профиль у него и как резинкой
Следы стирает и года, одной слезинкой.

Бой

Скрестили шпаги в схватке два оленя.
Бой барабана - дятлу виден бой.
Капель с листвы и оземь сок осенний:
Ленивый Largo-Lento-Grave строй.

В пыли, хрипя от боли, стать награды
Трагическим усилиям подстать,
Стоит поодаль, ей пока не рады.
Она - помеха, ею может стать.

Смогла. Дорога уже, чем казалась.
Удар насквозь не мог остановить

А счастье было рядом, эка малость,
Всего-то шаг, мгновенье жить-не жить.

Под одеялом нежности, о, други!-
Себя храните, сколько хватит сил.
Предательство страданий и недуги,-
Не то, к чему готов наш хрупкий мир.

Бухта Инал

Небо над морем
венами молний
мерно тревожит
смирных у берега чаек,
пасущих напуганных рыб.

Кто-то не может
Глади на море дожждаться,
Кто жив только штормом,
волны полосканьем.

В вечном движеньи исканий,
Плещутся, делая гладкими,
Плоскими, приторно гадкими
Горы готических глыб.

В лесу

Изображая ржание кобылы
Там ствол скрипит, едва живой, но милый.
Так много мимо. Было. И прошло.
В его тени, под сенью, всё уж в прошлом
И на покой. Но думать о хорошем
Ему никто, ты знай, не запретит!
И пусть оно пылает впереди,
В камине страсти, и теплом печи,
Но мы о том забудем. Промолчим.
Чтоб никому не делать больно. Грустно...
Чу!-ветер! Хруст. И место стало пусто...

В манере дятла...

В манере дятла, ветка бьёт по ветке.
Всё просто, метко , важно. Небо в сетке
Фарфоровой натруженной эмали,
Чьей жизни - на глоток. Поверх - едва ли,
Играет ветер горстью липкой пыли,
Её с сосны дожди случайно смыли.
Трава измята, слизень, жук, цветочек...
Лизнёт мышонок бурый пень, листочек,-
И сыт, и весел. Всем вокруг доволен.
Пока способен, так, на поле воли.
Нетороплива жизнь под негой снега,
Коровка божья посреди забега
Зевает, мёрзнет, медлит... Засыпает!

Всё это так. Случается. Бывает.

Слеза дождя, держась за ветра лонжу,
Снежинкой - на ладонь. Неосторожно...

В прострации

В прострации тесно от мыслей и грусти,
Там хор на эмпорах несчитанных звёзд,
А пустошь к себе никого не подпустит,-
Лишь вереск и мхи. Ни дубов, не берёз.

Опустится долу накидкой мака
Дороги железной гравийный откос.
Вся жизнь из препятствий, намёков и знаков.
Понятий которых ещё не дорос.

Весенняя метель

Сдаётся, мне привиделась весна.
Со сна природа ею показалась,
Но отказалась быть собой она.
Возможно... вероятно, что зазналась.

Сугробы по колени, ветра вой,
С испугом дрозд теснится к некой круче...
Лишь накануне та была собой,-
Кустом зелёным. Ярким и пахучим.

А ныне всё остыло и бело.
Всё! Что цвело, благоухало или пело,
Тяжёлым снегом споро замело.
Так, как весна умеет - неумело...

Видения

Пни, что лежали вдоль дороги,
как черепа, единороги
Их побросали в те века
Когда нуждались в том. Слегка
Их жалость мучила. Как сбруя.
И в радуге полдневных струй
Им жажду было утолить
Так просто, как воды испить
Нам из гранёного стакана,
Но рано утром. Позже - странно
Искать той радости глоток.
Сосновой стружки завиток
И кружки толстый край - губами,
Да лист калины пусть пристанет
Своей морщинистой рукой,
Даруя долгий непокой...

Вне игры...

Неон холодных светлячков не он.
И стон немой произнесён не мной.
И двери ночи приоткрыл просвет.
Ты о любви не говорил? Да нет.

На фоне розовых монет зари,
Пятак серебряный луны горит.
И негатив того, что внял в ночи,
О том он нам не рассказал. Молчит.

А грусти голос, как терновый куст.
Он внял и мягок, безнадёжно пуст.
Чем тише он, тем жёстче встреча с ним.
Мы любим мало, чаще лжём и мним.

И мимо нас, пролив в рассвет кисель,
В проливе утра стали сны на мель.
Предвидя ночь, о ней не упредить,
И раны дня нам рано беречь.

Победный вопль всегда похож на бред,
Соль жизни жизнь, а не венок побед.
И рифы рифм важны до той поры,
Пока мы вне навязанной игры.

Воронеж 2017

Город намётан разметкой дорожной.
Гордо стоит. Вовсе неосторожно.
Крошево зданий старинных почётно:
Брошено, скошено, неподотчётно.

Плечи опущены у тротуаров.
Траур по городу. В век мемуаров.
Видели? Помните? Знаете? Трогали?
Дроги прошедшего помнят немногое.

В краске облупленной славное прошлое.
Совы и львы,- это милое пошлое.
Тошно, приехать, а всюду - неон.
Где ты, мой город?! Но это не он...

Воспоминаний бойкое перо...

Воспоминаний бойкое перо.
Ему во всём вольготно, славно, впору.
И в пару им - на всё своя пора,
И всё так споро, ладно, смело, в гору...

Под нежным слоем правды - лжи кора
И горы не содеянных фантазий
Немного вздора, меньше, чем добра
И много разных всяких безобразий

Отчётливые слепки всех обид,
И гроздьями - упрёки недовольства
Стыда гримаса - лишь бы сделать вид
И жажда всех на свете удовольствий...

Но - стыдно жить, стараться, на показ.
Оно недолго, призрачно, мгновенно.
Исчезнет, как улыбка с чьих-то глаз.
Так просто. Как у всех. Обыкновенно.

Время...

Бусины мороженных томатов,
Лечо с перца терпким ароматом,
Сок надежды зреет в винных гроздьях,
Хлеб - вчерашний. Осень будет в гости!

Разбросала кое-где визитки:
Ткань, пергамент, вензелей корзинки.
Скань саней надменной королевы...
Днём - жара, ночь под луной дебелой.

Мы себя от лета быстро прячем,
Без него же мёрзнем, хнычем, плачем:
Ветер треплет шторы серых ливней,
Я ж хочу на море, ждать прилива.

Там на горизонта влажных пяльцах,
Гобелен заката мягким пальцем
Расправляет время. То, что мимо.
Всё, что ускользнуло, стало милым.

Время

Есть некто, набивающий упорно
Суму свою слезами и сединами,
Где гаммой соловей полощет горло
Дождей весенних плотными гардинами.

Себя мы все не слушаем, внимаем.
Да всё о чём молчим, друзьям не каемся.
И в зеркале себя не привлекаем,
Хотя мы стать другими не стараемся.

Там дятел разбивает время в ступке,
Потворство лени и фрагменты зависти.
Мне, травести, приятны незабудки
Быть взрослой не умею и не нравится.

Голубое...

Голубая бабочка, небо голубое
Мох в мохнатых тапочках топчет нежно хвою
Ожерелье вечера, горсть росы в корзинке,
Плёл паук беспечный поперёк тропинки

И от делать нечего чей-то сын в тельняшке,
Изжевал все листья и разбил все чашки.
Листья - прошлогодние, чашечки - цветка...
День ушёл, негодник, как пройдут века...

Голубое утро

Снег кругом. И утро голубое.
Красота такая... Словно снится!
Этим цветом смотрит в полдень море,
И перо у сойки им струится.

Руки веток в тоненьких перчатках,
Лапы хвои в варежках. Без спроса
Их не снять, но может быть в начале,
С солнцем в марте, как уйдут морозы.

И тогда-то, сбросив все одежды,
Без надежды вымолить прощенье.
Будут плакать льдинки. Так, небрежно,
Наслаждаясь влагой, как отмщеньем.

Гравюра...

Гравюра. Снег на фоне ночи
Чертил деревья между прочим
Что он , шурша, изобразил,
По мере хрупких влажных сил,

Что им получены. Немного?
Не нам судить. Шутя ли, строго,-
Никак! Не наше это дело,
Как нам того бы не хотелось
Не нам о том в миру судачить.
Что сами можем?! Напортачить,
Испортить! Или любоваться.
Хоть этим можем оправдаться.

Гравюра... снегом... ночью... братцы...
Нам можно даже не стараться.

Де

В последнем па - де* рок-н ролла,
Берёзы стынут и дрожат.
Стыдись себя- прозрачных, голых
И хрупких - стоит поднажать.

Они во след порывам ветра,
Стремятся вон, навеки прочь,
Но держат их всего два метра
Земли, так утро держит ночь.

Берёзы стынут, стонут, плачут,-
Всего-то в метре от зимы.
Нет, к счастью, мир неоднозначен
И в нём важнее всех не мы.

День..

Чей нынче день?
У золотого утра
 дары потерь:
Эмали небо
 с пеной паутины,
Что облако,
 теряя,
 обратило
Покатый свод, разрушив безупречность...
Вот так. К чему сторонняя беспечность
Приводит мир и миг его. Напрасно.
Но может быть и это в нём прекрасно?

День рождения... чей-то!

Все ото всех чего-то ждут.
Пера ли лёгкого , услуги, -
в том нет вины или заслуги.
Часы той жизни, что идут
Всегда гарантию имеют.
Мы ж не несём! А те ржавеют,
От нашей в жизни простоты.
Коль здесь, то веришь: вечен ты!
И в человеке та беспечность,
Как молоко звезды в пути:
Конечна даже бесконечность,
Успеть бы там себя найти...

Дети...

С мокрого после грозы куста чистотела, как с горки, скатываются птенцы.
Раз за разом! И кричат так же громко, как дети...

Зелёный
жемчуг
незрелых вишен -
Обижен,
Что обойдён вниманием светила.
"Чем? Я! Ему! Не угодила!?" -
Твердит в тумане, как в дыму,
Но не отвечают ему.

Под натиском отходчивой грозы,
Всерьёз воспринявши намёки и угрозы,
Куст чистотела сник,-
Так скоро, чуть не вмиг...

Он развлекает птичью детвору,
Что катится по мокрому бугру,
И гомон радостный сияет, однозначный,
Да жаль, что тает смысл, как день у-дачный...

Детство

Мне не хватило плюшевых игрушек,
Игры в войну, где содраны колени,
В индейцев, где брататься кровью лучше,
Прищурившись, как от молочной пенки.

Играть с медведем никогда не поздно,
С самим собой и впрямь немного стыдно.
Я никогда не стану злой и взрослой,
И слушать правду до сих пор обидно.

Тот длинный выдох, на виду у солнца,
Округи, от дождя промокшей сильно,-
Грустить опасно! Как опасен стронций,
Быть любящим - не быть любвеобильным.

Дождями смыты вишен кулачки...

Дождями смыты вишен кулачки,
А гроз демисезонных фейерверки
Прошлись по нам, да не по нашей мерке.
Сверчок под печкой, отыскав очки,
Пожав плечами,вскоре ждёт морозов,
Ночей холодных, сонных водовозов,
Склероза знаки, звёздочек значки...
Дождями смыты вишен кулачки.

Дом Музы

Дом Музы - не музейные полотна,
Удобней ей болото бытия...
Комок событий из того, нитья,-
Когда соседу не дают житья...

Комод непарный сер, замучен стирками халат,
Любимый том из Чехова зачитан и измят,-
Всё то, чем жизнь набита плотно-плотно.
Бесплатно, безгранично, бесподобно!

Дом Музы - не музейные полотна,
Куда удобней бытия болото...

Ещё пылает месяца тавро...

Ещё пылает месяца тавро
На бледной коже вечера, но утром
Как оспины растянутым пятном
То кажется. Не всё, что стало мудрым

Лучом зари возможно уличить
В осаде рассуждений... озарений!
Других так просто доброму учить,
Чем самому. Без повода и прений.

Жизнь

Скрипит пенопластом.
Пластами.
напрасно
Так рано укрыл
всё, что принадлежит
не ей, а другим
Всё бело и прекрасно
под снегом и осень
и лето лежит

С небес убегая
снежинки летают
они ведь не знают
что скоро растают
они лишь порхают
и охают:
"Мимо!"
Когда пролетают
так скоро
так длинно

Длиннот не заметив
не старясь
не споря
по нотному стану
стекают
Как горе

А что оставляют?
Лишь даты
те числа
без смысла
без прочерков
жизнь их погрызла

И бросила
оземь
придавит, как пяткой
Уйдёт и забудет
Играет, как в прятки

Скрипит пенопластом
Полоска к полоске
захочет - ласкает
пошутит - так плоско

Жизнь. Галерея

Жизнь. Галерея. Дней полотен.
Спеша пакуется багаж.
Наш график безнадёжен. Плотен.
И нужен нам, но он не наш.

Мы все на грани запустенья
Чужих запущенных могил.
Волнений вздохи, обвиненья...
К чему всё это? Жизни мил

Порочный навык. Бесшабашный.
Но: "Шапки прочь! Давай, оркестр..."
В себе лелея день вчерашний,
Несём тяжёлый горький крест.

Земля у нас одна...

Бумагой рвутся лужи,-
Шире... уже...
Как шар земной измучен,
Как натружен.
В крови вечерних зорь
И скорбном птиц молчаньи,
С сутулыми покатыми плечами
Бредёт по эллипсу.
И, нас оберегая,
По рельсам бесконечного трамвая
И по прозрачному, по звёздному кольцу...
К лицу ли нам в окошко, беззаботно,
Глядеть на небо в крошках звёзд и сна?
Она одна у нас. Земля у нас одна.

Зола любви

Том неба взмахами крыла листая,
Землёй невольно прикрывая тыл,
Он знал о трёх могилах за сараем,
Летел всплакнуть, в виду у тех могил.

Осенний день с утра пришёлся впору,
Для скорбных дел, которым несть числа.
Слегка хрипел своим простывшим горлом.
То ворон был, а не носитель зла.

Зола любви. Её развеет ветер.
Перечить ей?! Вода-то вниз течёт!
А света блик не каждый день отметит,
Но каждый раз ему идёт в почёт.

И мы могли бы!

Уж на пригорке греет спину, хвост и плечи.
Он так доверчив, так наивен, так беспечен.
Суставы ломит под его красивой спинкой.
Всё тяжелей ему ползти с горы в низинку.

А ветер летний холодней, чем ожидалось.
Подвалы ночи так бледны. Скопив усталость,
К полудню тянется закат, подол неровный.
Все не просохнет, ну никак, и он огромный.

Свернувшись кренделем, чудак, хвостом мешает
Воде в пруду себя отмыть. И так бывает.
Со дна к поверхности: лягушки, тина, рыбы.
А всё могло бы быть не так. И мы могли бы!

Иду послушать тишину...

Иду послушать тишину,
её осталось так немного,
Ей не мешает быть собой
ритм, по колёсам бьёт дорога.
И только так! Наоборот,
избитым быть пути обидно.
Конечен вечности парад,
и брать аккорд финала стыдно
Нетренированной рукой.
А ну-ка, сдвиньте горстью пальцы,
Расслабьте кисть, её дугой,
держите, словно пыль иль пядьца.
Не надо думать ни о чём.
Искать гармоний верной ноты...
О берег жизни бьётся чёлн,
а в дверь стучат: "Вы здесь?" "А кто ты?"

А кто ты, правда!? Прост вопрос,
Да вот ответ всегда непрост.

Истерика

Листы осенние - они истома года.
Тома ветшают, гонит дождь в дома...
История истерики природы
Описана в двенадцати томах.

На каждом - точки, пятна и заметки,
Обрывки строк и писем семена.
Неровный почерк нижней нервной ветки
Под шепот ветра чьи-то имена
Она рисует. В суете - не все,
Но утро стало до полдня знобить.
Смелы с порога. Шаг, другой - пасуем,
Себя другим скорей пытаюсь сбить.

К чему?

К чему пускаться в просторечья?
Навлечь укоры и наречья,
Негодование толпы,
С которой все на "вы" столпы...

Калина дразнит мятным язычком...

Калина дразнит мятным язычком
И близость новолетья не смущает.
Играет дятел веткой, как смычком,
Поёт сонет, любви не обещая.

Карась разбужен, в серой дымке волн
Лениво ищет отражений крошки,
И отвечает вишне на поклон,
Что вдалеке, правее от окошка.

Над тучей пляшут стайкой комары.
В которой мы не знаем наше место,
Смешно ли, нет, но это - часть игры,
И тщимся знать, покуда интересно.

Но сколько б ты не задавал вопрос,
Ответа ждать - посильна тяжесть ноши?
Он очевиден, и не так-то прост,
Известен хорошо, но нехороший.

Калина дразнит мятным язычком
Декабрьский день, закутан пледом неба,
Связала ночь невидимым крючком.
Суметь такое сделать летом мне бы...

Камин рассудка (письмо другу)

*Боюсь засыпать и стараюсь обмануть, сознание, чтобы
то не успело подкинуть чего в камин рассудка перед сном...*

Камин рассудка топится надеждой,
Что "никогда" не значит "быть, как прежде".
Устойчивые "завтра", "позже", "вскоре", -
Ключи к тому, что не случится боле.
А поле брани, порождение скандала,
Постылый повод сообщить, что страшно мало
Мы получаем нежности, участия.
И каждым жестом обнажаем жажду счастья.
А счастье что? И что под этой маской?
Всё просто тем, кто жизнь считает сказкой.

Канат реки...

Канат реки перебирается течением
Движений времени, и взгляда, и руки.
И, огорчённый жизни предреченьем,
Стоишь ты подле, вялый от тоски.

Тяжёлый всплеск и руша все преграды
И силы тяжести порочный прочный круг,-
Непротивленья в жизни эскапады,
Соотношенья силы враг и друг...

Канитель...

Кому-то щи и тёплая постель,
Иным - пинки и ледяное ложе.
И редкой ласки канитель,
Что так пугает, так тревожит.

"За что мне это благо? Дать...
Платить-то нечем, бейте-режьте.
Нужны мне: миска, дом, кровать,
С клубами тёплой пыли...Мерьте,-

Насколько я велик иль мал...
Вам, выбирая, габариты
Важнее сердца. Я устал..."-
И вздрогнул пузом впалым."Сытой,

Мышь прячет голову в песок,
В надежде - кот проскочит мимо.
Я не такой. За вас бы смог
Себя отдать и всё, что мило..."

Квадрат гипотенузы

Квадрат гипотенузы снился ночью,
И "а и б", в союзе или кубе.
Все формулы лишь выглядят непрочно.
Что он Гекубе, что ему Гекуба?
Как мортаделлу спутали с учеьем?!
Кто, озарён своим ночным кошмаром,
Низверг, разрушил суть, средоточенье,
Одним указом, как одним ударом.
Читать и мыслить, значит быть порочным.
Коль мнение разниться с либеральным,
То будет трудно. Это знаю точно.
По жизни фактам, а не по астральным.
Кому журавль, кому синица снится.
У каждого - своё мерило веры.
Но как не спутать руку-длань с десницей,
Не выйти за пределы чувства меры...

И мимо храмов, днём, с утра и ночью
С молитвой, без, и взглядом в пол, привычно:
"Грешить не надо!" Нелегко, но точно.
Невыполнимо и самокритично...

Кленовый лист

Хвостом заморской рыбы - лист кленовый
Блестящий бестолковый и не новый,
А просто - старый. Он состарился за лето,
Того не помнит - как же это, но об этом

Ему нашепчет старый ворот у колодца,
Он там,- лежит, и никому не признаётся,
Что постарался на вершине удержаться,
Но не сумел быть незаметным, сникнуть, сжаться

Навстречу ветру он раскинул руки-крылья
Дождя дождался, чтоб из тучи, изобильно
Белья не взял, да и какие тут припасы,-
Не ожидал, что будет жив. Однако спасся.

Теперь лежит и ждёт зимы. Да, так бывает,
Что все идут и жаль его, не наступают.
А берегут, как лета миг и счастья эхо.
Как хорошо, что где-то есть, кто помнит это.

Крошки жизни

Куриной костью измочален ствол.
Дуб? Ясень? Липа? Кто то был - неясно.
Голодный, взглядом всюду видит стол.
На нём тарелки, чаши, блюда... Яства!

При каждом шаге слышен веток хруст,
Ступни в слезах росы, но что за дело:
На вздохе лета, сад осенний пуст,
А тело, как нарочно, оголтело.

Кулак кувшинки показался над водой.
Кому грозит? А грозовое небо
Надменно смотрит, лоб нахмуря свой.
Сдувает крошки жизни, счастья, хлеба.

Кто-то ей ответил...

Сползает прочь, то тихо тянет ветер,
Прозрачная, в узорах кисея.
Луна сияет! Кто-то ей ответил
Взаимностью. Но это был не я.

Но всё же был мой взгляд. Немного жадный,-
Жемчужный блеск не сомкнутых ланит
Пленит, волнует, словно дверь в парадной,
С волшебным звоном, тем, что в недрах спит.

Кивок спустя, как убран холст заката,
Ажурный плат потянет прочь с лица...
Овал был мил. Давным-давно. Когда-то.
Да и сейчас. Сквозь тучи и с крыльца.

Теперь же он... волшебно бел и светел,
И незаметен утром. Тешит ночь.
Тех, кто в пути, взбодрил, увлѣк, приветил,
И указал дорогу, чтоб помочь.

Сползает прочь, то тихо тянет ветер,
Прозрачная, в узорах кисея.
Луна сияет! Кто-то ей ответил...
Взаимностью. Но это был не я.

Кубарем...

Так - кубарем, как мышь, через дорогу,
Бежит листок по ветру. Ветка, вздрогнув,
Его без сожаленья отпустила
Спешить на выступление Светила.
Не спешится. Вне этой вечной скачки,
В волнах времѣн, в волненьи этой качки.
Прозрачный сумрак, стылый свет просветов
И утром красной краскою рассвета
Макать носы и щѣки в цвет калины,
Но зимний день короткий, а не длинный.
Как мало надо нам, познавши радость,
Вослед же ждѣм другой, и большей кратность.
Да, чудо сложно делать по приказу,
Но можно, хоть не сразу и не разом.

Темнеет позже, но на вздох, никак не раньше.
К ошибке - дрожь в твоих руках. Не надо фальши.

Подставив площади плечо, не дремлет город.
А ты поспи. На небе шрам, крылом распорот.

Летим наверх...

Летим наверх. Паденье снега
Ещё невовремя, наверно,
Но заблуждений наважденья
Влекут и манят так же верно,
Как это было и до нас
И будет. Каждый громкий час
Часы, не жертвуя собою,
А дважды в сутки стрелки вдвое
И даже так себя ведут,
Как буд-то больше не идут.
И так, мудрея с каждым часом,
Мы понимаем, - жизнь прекрасна
Сама собою, и без нас.
Об этом бьют часы как раз.

Летний дождь

Пусть не пристало плакаться кувшинке...

В потоках летнего постылого дождя,
Она дрожала, кашляла, тонула,
Жизнь, походя, так подло обманула!
Песнь амазонок, комариный, их вождя,

В прозрачном несминаемом хитоне,-
Под гнётом их набегов небо стонет.
И всё, что под его седым шатром,
Скользя мешает быть собой дороге...
Пригорок насыпи возвышен, горд, как трон.
Ступни калечит, лапы, лапки, ноги.

Пусть не пристало плакаться кувшинке,
Она не слишком сетует, не шибко!

Лето...

Веснушки на спине оленя,
Лениво ветка ветке машет,
Лось воду пьёт, склонив колени,
Паук, как свитер, сети вяжет...

Ещё чуть-чуть и ткани лета
Истлеют, канут в вечность Леты...
В слезах дождей. Полуодето.
То близкой осени приметы.

Листья -ми

Облака прокурены.
Скомкал листья утренник,
Бросил ветки прутьями
о моё окно.

А луна открытая
Всеми позабытая
Мы грешим, а стыдно ей.
Холодна давно.

Грустно этой осенью.
Страшно. Тем, кто бросили
Листьями да о земь ли,
По щекам дожди.

Развлекаясь вёснами,
Брать ли лодки с вёслами?
Где вы, зимы-крёстные?
Если можешь, жди...

Листая старый календарь...

Листая старый календарь
И пожелтевшую газету,
Нам милым кажется всё это,
Как старшекласнику букварь.
Заботы те же у людей:
Покупки, свадьбы, переезды,
Проступки, займы, цены, съезды -
Коловращение идей.
Скупой - транжира, скряга - мот;
В другом и первом мало смысла,
Ведь жизнь не даты и не числа,
А что успеешь сделать. Вот.

Листая старый календарь,
Ты ищешь на себя похожих.
Находишь. Их. В толпе. Прохожих.
Сдувая с неба жизни хмарь.

Луна...

Ах, эта полная Луна...
Во всём для нас пример она...

Маме

Гирляндой ёлочной украсив повороты,
В норе у ночи поезд прячет серый хвост.
Ему неважно: где, откуда, с кем ты, кто ты,
Он не суёт в твои секреты длинный нос.

Наперечёт его весёлые картинки:
Там километр, здесь перегон, а тут пикет.
И переезд, как переход, и речка ниткой.
В почтовом рядышком, - письмо, конверт, пакет...

Звенят посудой в вагоне-ресторане,
И чайный свет того уютного купе,
В котором кто-то едет в гости к милой маме,
Что ждёт всегда: и на перроне, и в толпе...

Вот-вот моргнут усталым оком семафоры,
Их видно ночью и в тумане, издали,

Но мы спешим и получаем льготу форы,
Чтобы успеть доехать вовремя могли.

В смущеньи утра, у порога многословий,
Простой вопрос: "Ты будешь кофе или чай?"
Одна задача, сонм моих простых условий:
Ты не болей, живи подольше, не скучай.

Межсезонье...

Дождь разровнял листву босыми пятками,-
В порядке, между, углубляя землю грядками

Ростки сажает. Поздней ночью, осень,
И никого об этом не попросит,

К себе уходит. Молча, без оглядки.
К утру - на месте: "Всё ли здесь в порядке?!" -

Так вопрошает, порыдать готова,
А в ночь уйти, до лета. "Бестолкова!" -

Ворчит зима. Лукав однако дед,
И как хитро и долго смотрит вслед

Той рыжей и неряшливой красотке...
Так полутон стремится к верной нотке.

Метель

Снегом, как ватой дома обложило.
Живы ли те, кто внутри? Вроде - живы.

Курят старательно печи в домах.
Делают вид, что сердиты.
Ярость огня вся уйдёт на дрова,
Дерева сердце разбито,
Но не несчастно! Пылает, дрожит,
Жаром объятий ласкает.
И до красна раскаляет ножи,
И без следа улетает.

Снега всё больше, всё ниже мой дом.
Двери наутро откроешь с трудом.

Птица щекою прижалась к стеклу,
К ужину крошки и - спать к дымоходу.
Много ль ей надо? Забьётся в углу
Ждать потепления, лета, восхода...

Тихо, послушная, сгробилась осень.
Ждёт, что останется, мы же не просим.

Пала метели завеса так споро,-
Спорит, скандалит. Утихнет. И скоро.

Мираж

Влечёт мираж собою лишь того,
Кто сам себя не ценит. Отчего!?
В себе ищите прелести, не дальше!
Где нет намёков злобы, лжи и фальши.

Миф

Стихия плетения кос у растрёпанной тучи,
Пощёчин ожоги и ветер песчаный, колючий,-
Всё в кучу. Глаза, словно летние ночи, сухи...
Не мы сочиняем, а нас обретают стихи.

По слухам, конечны: покой, достоверность и Лета.
Приветы в рассрочку, кредиты надежды, советы.
Ведь жизни течение - миф. Это - зал ожидания.
Багаж - он лишь в сердце.

Звонок.

Стук колёс.

Расставанье

С дорогой, с минутой, с расчётом,
что в тающем прошлом
Одно лишь плохое, а встречи с одним,
но с хорошим.

Молись!

Источник скуки, сердца пустота,
Толкает нас на внешность развлеченья,
Но не спасает власть движений так,
Как нету в ней ни смысла, не леченья

Ты от себя никак не убежишь
Не будь прилежен в этом, не старайся.
Услышать лучше: "Стой! Куда? Блажишь..."
Чем: "Нет, не стоит, право, не пытайся."

Тебе с собой не праздно, вы вдвоём
Себя к себе всё время примеряя,
Не ищешь форму, вес, окрас, объём,
Не ждёшь повинных вздохов: "Знаю, зря я..."

Ты - мир в себе, но лишь до той поры,
Пока есть тот, кому безмерно веря,
Он рядом, здесь. немного вне игры,
Но не твоя ужасная потеря.

Земля на блюде года зреет в срок,
Взрослений пух, щетина ржи помятой.
Молись, что б тот, кто дорог, видеть смог
Себя в тебе, а холод пах бы мятой.

Моргал глазами день осенний...

Моргал глазами день осенний
На мир, прикрывши рот, зевал.
А бор не звал, но ждал олений
Крикливый, томный, страсти бал.

Обвал листвы в порывах ветра,
Порывы всех возможных чувств,-
Наивно смотрятся, наверно,
Когда признаться в них хочу.

И невозможного возможность,
Надёжность невесомой пыли,
В пылу надежды осторожность,
Та, про которую забыли.

Но то, что в жизни случай, частность
Её и делают, наверно.
Лишь равнодуший безучастность
Играют нами в подлость скверны.

Море...

В оправе пены, изумруды
Гонимой к берегу волны.
Вдали её границ запруды
Травы морской. Овал луны
Голубит, им же поиграет.
Прозрачной горечи поток
Считает дни, об этом знает,
Даёт понять, но между строк
Прибоя мраморной ступени,
На миг стыдливо обнажит,
И - прочь, храня всё, что имеет,-
Жизнь, что назад, с волной бежит...

Московскому Другу

Пузырьками шампанского,
Брызги солнца осенней листвы.
По дороге рассеяны,
Затаились, рассеянны,
На пороге порока зимы.

Только нет в этом соли и прока,
Как в пророчествах толку, с порога.

Мудро

Тумана штора, кисея, кисель обмана.
Ты жаждешь прелестей, чудес
За нотным станом
Рельс, проводов,- обычный лес,
Полян созвездий.
Туман растаял, интерес,
И пыль соцветий.
В подушки мха уткнут лучи
Зари и утра.
А мы - стоим,
А мы - молчим.
Вот, это - мудро...

Музыка...

Ни пуансон луны, не холод мятный
Гроза не смоеет. Под напором вод
Ткань облаков так смята неопратно.
Восход торопится и успевает, вот!

Шагать по скользкой грязи? Неприятно.
Читать с листа октавы? Горсти нот
Бренчат в карманах мелочью так внятно,
Как могут. И текут, как мёд из сот.

На сладкое...

Застыла зеброй на пруду вода.
Сургучной кляксой пятна шоколада.
Театр в душе? А больше мне не надо.
И меньше тоже. Правда, нет ли? Да?!

Идут степенно к залу травести.
Порок порога, на краю, со сцены
Быть юным не работа, и не стиль,
Наивности познать иную цену

Не так легко. Песок ли... ветер... жизнь...
Не знаешь как прожить её стараться.
От сладкого непросто отказаться,
Но в чём оно узнать не откажись.

Не врите мне!

Перина крон. Пустой карман поляны.
Истерзанный оврагами лесок,
И лютик пьян под боком мяты пряной.
Ручей тропинки и последний сок

Кровавой течью по стволу берёзы,
Ещё один её души надрез,
Но кровь уймётся, течь устанут слёзы,
А был ли повод, с ним ли или без?

Пиджак накинёт на округу вечер,
Умерит звуки и приглушит свет.
Не врите мне, что время чем-то лечит.
Оно калечит нас! Иного нет.

Не всем...

Не всем дождям и радугу в награду,
Не всем любовь наградою дана,
А градины прохладная отрада
Так ранит, холодит, и так бледна.
Мы здесь всему на свете, как чужие.
По жизни, не снимая сапоги,
Смиренья пряча, тянем к небу выю*,
Удачи света требуем у зги**.
Нам обрубаёт лишнее, в капусту.
Любви наложник, им мечтая стать,
Являясь, славным путником к Прокрусту,
Он тянется, стараясь ей подстать.
Почти любой, рождаясь, всё имеет.
Живёт рабом желаний всё добыть,
Но радугой, мороза свежим клеем,
Научат быть. Научат просто жить.

* - В'ья

(Быт.27:40) — шея. Часто
символизирует гордость, упрямство (Неем.9:16).

** - Зга - жен. темь, потемки, темнота

Не могу...

Протёрся до света
унылый декабрьский пейзаж.
Лоскутьями снега
Его обернулся кураж.
Витражные стёкла
В ветвях обрамленье небес.
Округа промокла
И солнечный вымыло блеск.

Не треск перламутра,
глазурью облупленный снег,
Да инея пудра,
что слаще которой и нет.
Плакучая ива
Вдали от поспешности рек,
Не станет счастливой
в положенный дереву век.

И место и время -
тому, что положено быть.
каплям - в апреле
приличнее хныкать и ныть.
А хрупкие скрипы
и снега алмазный покров,
Как стоны и всхлипы,-
лишь трата напрасная дров.

Мы просим прощенья,
за то, что должны совершить.
Любовь - ощущение?
Единственный способ, как жить.
Просыпать снежинки
у Див не прошу на бегу.
Не сделать ошибки?
не делать я их не могу...

не хватает...

Деревьев падения взрывы.
Их души, с усилием рвущие связей канаты,
все те, что свисают, как нитки оторванных време-
нем пугов,
стараются сбросить те путы, распутав
которые, трудно отбросить. Пернатых,
парящих, познать по наличию крыл? Немоты
в себе не раскрыть, обладателю яркого сердца.
Непросто бывает понять, где же ты.
Нам в жизни всегда не хватает: то соли, то перца.

Мы ж степенно, вальяжно, неспешно
Сминаем комочек той глины.
Как и что или вне разумений уют,
В угоду себе никого не предаст...

Тот? Разглядеть бы. Гримаса? Лицо?
Что в себе не познал? Кто не счёл подлецом?

И сметая комочки сей глины,
что намеренно нас сотворила,
Мним, что всё наверстаем потом.
Только верится в это с трудом...

Огонь

Огонь ломает сучья о колено.
И всё ему одно - пенёк, полено,
Всесилен он. А это - частный случай.
Понять его непросто, лихо скручен
Круговорот воды, вины, природы,
Огня в печи, как требует погода,
И загоняет нас в дома, на лёжки, в норки
Склоняет жить по старой поговорке
И не искать подвохов. Вне добра
Себя не мыслить. Мыслить нам пора!

Новолетье...

Притачав новолетье неровной мышиною строчкой,
Как всегда, в темноте, полюбив тишину и покой,
Точки дятел расставил,
а снега прозрачной сорочкой
Тех, что осень раздела, укутал. Нагая нагой

Лишь берёза упряма, к морозу одеться не хочет.
Так не любит одежду с любого чужого плеча.
Или знает, что снег, он лишь выглядит
крепким и прочным,
Только делает вид. А другие об этом молчат.

Расставанья - к утру,
а закаты - к обьятьям и встречам.
Кто разметил приметамы наше при Свете житьё?
Не останешься ты новолетьем опять не замечен.
Ну, а слёзы - к дождю. И умое и в море нальёт.

Так, приметы примет, с каждым днём,
не спеша, познавая,
Ты кладёшь на весы, равновесие зыбко, как встарь.
А шары изо льда, в кроне леса на солнце не тают,
И не бьются пока ветка ветер не спросит: "Ударь..."

Олимпиада

Метели ускользает тело
И выдувает прочь тепло,
Из той округи, что хотела
В тепле остаться, и могло
В других, тропических широтах,
Где бродят в шлёпках или шортах,
Где шротом шпрот измазан рот
И маслом мажут бутерброд
Иных намерений, нам чуждо.
И вам, надеюсь, там без нУжды
Творить свой дом, семью, уют.
Коль здесь родили, видно, тут
На нас планирует заботы,
Кто в курсе - с кем ты, где ты, кто ты.
А вы-то в курсе? Рад-не рад,
Но мы, где нам "сам чёрт не брат".
И мы-то в праве правды правы!
А нас - к ногтю?! На нас - управы?!
И...нами, вдруг... повелевать?!
Да нам на них начхать. Плевать!

Одиночество

В перине облака, под одеялом ночи
Луне не спится, и не хочет, между прочим.
Пророчат ей. А под щекой измятой
Лишь лунный камень, в юности припрятан,
Да позабыт. Стихия манит сердце.
Но не скрипят те петли, рая дверцу.
И так холодным, бледным лунным ликом
Уликой дня, волны дрожащим бликом
Она жива. От веку и поныне.
Да только зябко. Иней света стынет.

Половина пятого августа 2017

Они...

Они всегда беседуют со мной.
И этот разговор выходит боком,
Когда не тенью призрака, намёком,
Чешуйкой старой краски иль потёком,
Речитативом, Музы нежным оком,
Они тихонько манят за собой.

Орган

Я органам органа
сочувствую.
И вольница невольная
подобного явления

Как появление
Из нежного пахучего бутона
Колючей веточки сосны.

Так труб соцветия
Рождают стоны тона
И осень расчищает путь для трона
грядущей повести, весны.

Осенний полдень

Расколот воздух голой веткой вишни
И блеск его прозрачный, словно лишний

В осенний полдень, полный тихой лени.
Над нами потешаются олени,

Когда мы делим землю. Где тут чьё?!
Не наше, люди! Стойте, дурачье!

Кого искать? Тому всегда не тесно,
Кто хочет чтобы было интересно.

Ему и тем, кто подле. Полный воли!
Чего ещё, чего же нужно боле?!

Не боли, что бегом, через поля
Гудит, застыв, солёным тоном ля...

По ту сторону...

На расстоянии протянутой руки,
Ты бьёшь других открытою ладонью.
Не больно, но обидно. Те - в болонью
Ежа хватали. Легче ж бить, с ноги.

Не молоком его поить, да мимо блюда,
А насладиться мигом чьей-то боли.
Кому умчаться ветром в чисто поле,
Те не смеются, остаются, бьются.

За то, во что ты веришь. Здесь. На воле.

Парадокс

Так многое. Со всеми. И во многом.
Всё, как вчера,- и дни, и вечера.
Чернила, что пролиты осьминогом,
И вздохи, что на кончике пера.

Пора упорства, как тугой напёрсток,
Не защитит, скорее навредит.
Как сложно всё вокруг, и так же просто.
Быть позади и всё же впереди...

Парить над суетой...

Парить над суетой кто ныне в состояньи?
Кто, уличён, но смог себе подобным быть?
Как уберечь свой вздох от зла чужих влияний?
Кому ты нужен стал, что ввек не позабыть?

Под пудрой чешуи - пергамент кожи, остов.
Как можно не летать, но бабочкою слыть?
Пусть каждый для себя не материк, но остров
На карте жизни той, в которой нечем крыть

Тому, в ком пробудил наветы и проклятья,
И тем, о ком забыл, чтоб ненароком, вдруг
Обидой не сорить, не пачкать ею платье
Своей смешной души и близких тесный круг.

Письмо другу

Я, как всегда, перед тобой в долгу.
И в долгий ящик прячу лени споры
Не спорю, верю, иногда бегу
От лишних и ненужных разговоров.

И, несогласная, грущу, хоть не при чём,
Не предавая,- так или огласке.
Тебя я рядом чувствую. Плечом
И сердцем, чистым. Ликом - тем, без маски.

И зная всё, тебя не отпущу.
Слежу. Следы не тают без вниманья.
Себя прощаю и молчаньем мщу,
За длинные меж нами расстоянья.

Поверьте...

Похныкать в строчку, в песне и письме,
Всегда, поверьте, удавалось мне...

Повинен...

Вздыхает лес и что его в сей час тревожит.
Не может он сокрыть от бед и это гложет.
Зарёван заревом вдали безвестный пламень.
И что есть правда, что есть жизнь и веры амень.

Найдётся тот, кто этот стон поёт от скуки.
И где та жизнь, и где тот сон, и эти звуки.
На малой площади листка лишь прочерк, смертьте.
Рождённый к жизни на века, повинен смерти.

Проверка...

Плачешь с утра?
То проверка,-
А есть ли душа?
Если ей от чужих неприятностей больно,
Если каешься ты в прегрешениях вольно неволь-
ных

Если любишь и делаешь это спеша...

Плачешь с утра?
То проверка,-
А есть ли душа?

Проклятье

Лишь только вечером стемнело,
Луна творит обычный путь
На ней проклятье - лик без тела.
То днём нас можно обмануть.
А ночью - нет. Хоть зги не видно.
Но видно всё! И то обидно!

Прохожий...

Смылило время. Воспоминаний
Пузыри и обмылки.
Пылки были моменты страданий
И жестоки затылки.

Каждый рядом казался хорошим,
На себя непохожим.
Канул, брошен, засыпан порошей.
Каждый - мимо, прохожий...

Птичка пьёт водичку

В услуге рифм нуждаясь, часто
Мы ощущаем, что причастны
К больной её симметрии. И боле,-
Мы все в её плену. Довольны волей,
В которой жить причины не находим.
Лишь вдоль ограды стонем, шепчем, ходим...

Как те вагоны в дальнем перегоне
В грязи, простуде... в резку? Кто догонит
В мечтах, где колокольный рельсов звон
Будил надежды, умеряя страхи,
Вгонял в дремоту, спутав явь и знаки,
Что сеет жизнь и подтверждает сон.

Как жить в надежде, коль клубок размотан:
Событий, дел, разлук, объятий, встреч...
Картечь мгновений, крен, заметив течь
Идём латать. План действий разработан.
Да... только тот, кто совестлив, измотан.
Но толку что? Мы все живём по квотам.

Родные люди

Когда родные люди неприятны,
Заметно. Так на блузе белой пятна
Весьма видны. И то её порочит.
Но как ей быть? Ведь чёрной быть не хочет!

Сентябрь!?

Сентябрь примял траву у двери.
Ему шагами нервно мерить
Листву, упавшую под ствол,-
Летит салфеткою под стол,

Румяной корочкой наружу.
Себя стремясь не обнаружить,
Опята щурят хитрый глаз
Наверх и снизу вверх, на нас,

Что бродят по лесу, в бреду,
И мнят, что там себя найдут,
Вдали от шума городского.
Так каждый год, но снова ново...

Серое...

Туман и дым, сплетаясь воедино,
Скрывают то, что тщились скрыть гардины,-
Весь серый мир, а он таков без солнца,
И просто так, и если из оконца

Пытаться разглядеть на сером краски...
Да, волк хорош! Но он из детской сказки.

Сим и Хам

Округу снегом замело
Метёт по кругу
И скулы холодом свело
Как землю плугом

И брат на брата хлещет снег
Сорвавшись с цепи
Быть злым не может человек
Рождённый с целью

Разоблачить в себе самом
Желанье верить
во всё возможное, умом
Не дать измерить

Уметь из горсти пить рассвет
Роняя капли
Растить из них и тень, и свет
Пугаясь:" Так ли?

И хорошо ли в том дому,
И тем, кто рядом...

Сим сам сломал хребет сому,
Хам брызжет ядом...

Скучаю я...

Скучаю, вот. Хоть не до скуки.
Какой довольно мне науки?
Той, что научит смирной быть,
Иль той, что стонет ежечасно:
Не смей перечить! Всё прекрасно!
Держись ровней в потоке дней.
И жизнь глотками жадно пей...

Скучаю я... Хоть мне не скучно.
Лицо окутав пледа тучкой
Луна ликует. Небосвод
Уже прозрачен. Утро, вот...

Снежинка

Снежинка - копия следов вороньей стаи,
В снегу оставила под вечер, улетая.
Такие ж линии, такие ж повороты...
Как в жизни,- отвернулся,- где ты, кто ты?!..
Следы - не ты, они одни и дни скрывают,
Того, кто часто через них переступает...

А остаётся что? Примятый.... полустёртый
Едва живой,и не живой - не мёртвый...

Стеклярус смородины...

Стеклярус смородины, мрамор незрелой черешни.
Закат не на месте, но вечер тягучий, неспешный.
На месте душа, от которого годы до дуба.
Алембик для жизненных вин,
холм раздумий для сруба.

Где ранние всходы? Уныло, постыдно страданье.
И жалости вздор, расстоянья смешны,
расставанья.

А знание фразы о том, что все это проходит,
Внезапно, клинком нам в сознание рвётся.
И входит.

Что делать теперь? Потерпеть? На кого обижаться?
И как перестать сожалеть, раздражать,
раздражаться?

Претит нам чужое: стенания, тени, мотивы.
Жизнь - лук, тетива это мы, это наши активы.

И сны, где мы в детстве росли и ночами летали.
Своё назначенье имеют. И нас оправдали.
Они индальгенция нашим потерям и страхам.
Всё просто для них.
Мановением, вздохом и взмахом...

Стерпится...

В преддверии осени листья покровами сброшены.
Не жалко, они томным летом изрядно изношены.
Измяты ветрами, застираны водами мыльными.
Вскружило, опутало кружева клочьями пыльными.

Они не прощают и рвутся. С открытыми ранами,
Навек замирают, готовятся к встрече с нирваною.
Усталость и боль,-

как слоями неровными стелются.

Они не любовь, не печалей итог, это стерпится...

Стирает осень позолоту года...

Стирает осень позолоту года.
Следит за ветром, чтоб всё было сметено.
Неспешно крутит век веретено,
Холодными для наших мест ночами...
А плечи сгорблены, под грузом тех печалей,
Что упакованы и ждут, но вот того,
Что мы, сейчас, сбежим, о том не спросим,
Не знает эта сказочная осень.
Не знаем мы о том, подчас, увы.
А так... бредём. Под шорох той листвы,
Что устилает дали и дороги,
Но закрывает грани и пороги.
Но мы ж идём! И сознаём, подчас, мы,
Как хороши мгновенья. Как прекрасны...

Стирает май с календаря...

На тряпки небо рвёт гроза,
Роняет мебель, бьёт посуду,
Округа вся в её слезах
И опасениях подспудных.

Стирает май с календаря,
А свет то тушит, то включает.
Она не тратит время зря
Или того не замечает.

Она мечтает об одном
И воду льёт, не сожалея,
Чтоб вся поверхность стала дном
И речкой стала бы аллея.

И не берёт она в расчёт,
Что день попался ей ненастный,
А речке быть, где и течёт.
И мир, пусть мокрый, но прекрасный.

Несвежий полог неба чист
И, хлопнув напоследок дверью,
Гроза ушла, под птичий свист
Под шёпот листьев : "Верю, верю..."

Страсть

Горячий взгляд из темноты
И сердца стук: "Где ты?! Где ты!?"

Страхи...

Вокруг сосны - иголок дымка,
Смола не сохнувшей росой
Играет с солнцем, и в обнимку:
Паук, оса и шмель босой
Её собою украшают,
И дела нет, что день к концу.
Спеша, мешаясь, утешают:
Всё к ней идёт, сидит, к лицу.
А где оно? И нет в помине.
Стыдясь, дрожит и прячет взгляд.
Смола стечёт или застынет,
Испортив праздничный наряд.
Так то далёко! Или близко...
Кому и с кем себя ровнять?
Как горсть опилок кровью брызнет,
Кого судить и обвинять?
Чу! Ветер студит. Наважденье,
Как блюдцу чая морщит лоб.
Мы рады каждому рождению
И верим. Так. Не думать чтоб...

Стыдливость

Отринь стыдливости пленительную сень!
С собой позволит сделать это осень.
В который раз. Но кто об этом спросит,
Тот лишь сметенье в эту скуку вносит,
Но не лишает серых красок тень,
Как не повинен в том прозрачный день
И полдень преклонённый, чьи колени
Измараны усердно пеной лени,
Что взбита облаком, и возлежит, поникла,
Поблекшим обликом и птиц прощальным кликом,
Что выпал. Дорог он. Но так ли тряски дроги,
Как сморщен неба лик, в той луже у дороги...

Судьба

Не даст гарантий в том никто,
Что бой часов услышим сами,
Но тот, кто следует за вами
В своём распахнутом пальто,

Навстречу вечности и страхам
Мгновеньям в такт, шагами взмахов
Измерить всё вокруг спешит.
И будет так, как он решит

Там соловей...

Там соловей накапал
горсть своих мелодий
Куда их деть?
Пролить не жалко.
Поскольку много их
в запасе у него.

Испортить опасаясь
вздохом или взглядом.
Пока он рядом
Всего в достатке.
Так и у людей.
Пока дотянешься,
пусть вольно, без затей,-
Ты недоволен.
А коль не сможешь?
Лоб об пол разбей,
Не будет толку.
Явью, тихомолком,-
Никак!
Такой пустяк...

Там соловей накапал
горсть своих мелодий
Куда их деть?

Сыну!

Солнце сердится на осень
и чихает бурей магмы
Я тебя... Скучаю очень!
Как всегда по детям мамы.

Тем, кто дорос...

*Я не уверена, что с ритмом сладит каждый.
Но прост он, как четыре -два на дважды!*

*

В пене намокшего пуха,
Щёки небритых полян
Смущаются утренних слёз.
Сантименты...

Моменты утраты наивности, прелестью дышат.
Ты плачешь? Но вряд ли услышат,
Того, кто погряз в комплиментах...
Мгновенья сомнений - достойная жизни монета.

Под спудом мелодий и слуха,
Фальшивая нота - изъян,
Неподвластный прощению вскоре.
Так в споре рождается первым вопрос...
А слёзы - предвестники горя,
Не следствие.(Тем, кто дорос...)

Тета

Кот преградил дорогу, выгнувшись омегой
И тета* тет меж нас метался снегом...

Пространство достоверности событий,
И сложность алгоритма бытия,
Свелись к тому,- коту досталось быть им,
А поняла про это только я...

**тета - 8-я буква греческого алфавита*

Точно...

Пощёчин дождя ожидая до дрожи,
лужи
чуть уже,
но там, где не нужен пробора проход,
ты идёшь, сбавив ход,
осторожно сгибая коленки,
мимо окон. Протёртые стенки
стекают стеклом.

Бурелом.

В уголках его губ мылом пенка.

Всё вокруг голубого оттенка:

небо, лето... А колокол ночи
напророчит, что это непрочно.

Гром же,- судит, судачит заочно.

Сам же строчит. День к вечеру.

Точно.

Три «не»

Не возвращается ушедшая любовь,
К тоске не обратят чужие руки.
И если повторяешь что-то вновь,
Как гамму, не мелодию - от скуки...

Тюльпан

Ночь натянула капюшон
На всю продрогшую округу.
Порукой замкнутому кругу,
Зари вечерней нежный сон.

Он, словно трепетный бутон,-
Наивный, тихий, не манерный,
В слезах росы...Характер скверный
У тех, кто мимо. Склонен он

Склоняться под напором дней,
Но не дерзить. Ему видней...

У нас мороз на полустанке...

У нас мороз на полустанке.
Ещё вчера, двумя перстами,
удерживало солнца влажный перл,
Большое облако. Оно висит поныне.

И дятел в кроне дуба... не сидел,
А пел, стервец! Поправ навеки осень!
Мы все нектар бунтарства превозносим,
Но то ж весной, не у зимы порога...
И вот - она! Не как-нибудь, а много
Ушло с морозом и теперь остынет.
К утру - едва, слегка, местами.
Потом - кого и где застанет...

Украдкой

Седин наличие не избавляет от вопросов.
Зачем? К чему? Быть старым, но не взрослым
Как научиться?
Время быстро мчится.
Причина спешки
постиженья тщиться
Раздвинуть грани...

Выдох вдох питает,
Но уступает
Каплям детства в кране,

Что не прикрыть резиновой прокладкой.
Паденьям счёт ведём, но так, украдкой...

Улитка

В пруду моём так дышится улитке,
Той, у которой тело нежно, гибко
И мягко, как дыханья дуновенье,
Того, чьим дорожим прикосновеньем...

Ущербность

Истрачен солнца дней запас январский.
Театр теней метели с семафором
Нелишний повод, или так - проформа,
Стянуть позёмки простынь, жест бунтарский.

Но сибаритство мрака трудно перебить.
Не лучше ль сделать вид или забыть,
Смотря поверх его во всём стараний?
Вот так. Виток. Итог. Ущербность зла, как знаний.

Фата-моргана

Фата-моргана не играет в прятки.
Прозрачный мир наполнен, он не пуст.
Загадки нет, но взятки, всё же, гладки.
Кого не выдаст хрупкой ветки хруст?
Кто одинок и бродит между, явью
И лёгким сном, дурманит к полу-дню.
Он гнёзд не вьёт, но утверждает : "Я вью!"
Воды не пьёт и не бежит к огню.

Он сам - огонь. Мерцающей полою,-
Пустыни жар, дороги кипятков,
И манит, чуть дрожащею рукою,
Сулит насытить влагой. Между строк
Того, что он в смущеньи не напишет,
О том, о чём стыдливо промолчит,-
Нашепчет, растолкует тем, кто слышит.
Научит, и притворно поворчит.
Потом отступит. Оценив творенье...
Всё, как у всех: и, в миг опустошён,
Готов к иным тревогам и волненьям.
Не горд, не важен. Сам себе смешон.

Хочу на море!

Земля дышала мятой, чесноком,
Малиной, вишней, чистотелом, мёдом.
Листва лежала скомканным платком,
Промокшим и пропахшим морем, йодом.

Но до него... опять не по пути.
Всё нас гнетут фискальные проблемы,
До моря - день, но как его найти.
Идея фикс фиксирует дилемму.

Прозрачный плен, аквамарин небрежный,
И в пене, бережно, волна с волной прибрежной...

Церковный хор...

Церковный хор шмелей на ветках винограда.
Им смущена слегка, но больше, чем не рада.
Им остановлена...почти на середине,
На льдине ночи или сна незримой тине...

Его волной или смещеньем вне волненья.
Софит зари сквозь светофильтры облаков.
И обвинения, обиды, разность мнений,
Опрелость прений, листьев, ржавчина подков...

Челом в века, да нет намёка на успехи.
Нас сотворили ради шутки, ради смеха.
Чего же ждать? Паяц в пути благоразумен,
Но есть ли время у него для тех раздумий?

На суть примет цена предметов не влияет.
Так не влияем мы на мир вокруг, увы.
Пока не вспомним: цель, что нас обременяет,
Единый повод не забыть о том, кто мы.

Чем?!

Струёй ужа стекла тропинка
В ближайший кустик белены.
Осколком зеркала, ложбинка
Дождём напоена. А мы?

Чем мы украсили пространство?!
Нагроможденьем кирпичей
И жирной копоти жеманством,
Чернее тучи и ночей...

Шутка

Не перекрыли кран
И дождь идёт. Навесом.
С высот, как свысока,
Из озорства - над лесом.

Ему и невдомёк,
хоть часто намекаем:
Мы вымокли! Упрёк?
Да нет, то жизнь такая!

Эль-Гурдака

Фиолетовый лук,
но в египетских фирменных банках
Так, как будто бы па
балерины в махровых портянках...
Посреди суеты,
и солёного душа премьеры,-
Как нелепый этюд, на виду туристической сьерры.

Эмпириокритицизм

Человек и свят, и грешен.
Этим горд и безутешен.
В чём-то слаб, в ином порочен,
Горд детьми, и между прочим,-
Автор многих славных дел.
Тем и жив! Таков удел.

Коли б знал предназначенье,
Проще шло бы обученье
Жизни делу, ремеслу,
Числам, искренности. Злу
Не давал того значенья,
Плыл бы просто по теченью...

Я не хочу тебя обременять!

Блестит на солнце драгоценно паутина.
В чём ценность? Вряд ли в свойствах волокна!
Рутины жизни прелесть ощутима,
Хотя она не каждому видна.

Так всё и тут. В тени, в дали от света,
Нам ничего не стоит разорвать,
Те сети вне которых нас и нету!
И жизнь вне сновидений не сыскать...

Досады блеф, меж до и после прочерк,
Сравнить с ничем, ещё сложнее унять.
Чужой рукой о жизни прошлой очерк.
"Я не хочу тебя обременять!"

Но - это так. Какая, право, малость.
Не торопись себя скорее сбывать.
Быть в тягости, такая, правда, радость.
А в тягость быть, как будто и не жить.

Я против...

Я против примитивных рифм,
До них себя ронять обидно,
Но если рифма очевидна,
Не очевиден логарифм.

Геометрических прогрессий
Арифметический собрат,
Низвергнув стих в стихосложение,
Как ловкий цирка акробат.

Разубедил. Восторги мнений
Умерил, не пожав руки.
И заронил сомнений гений,
Начавши день не с той ноги...

Но как понять, где та, что надо?
Награда - мыслей водопады.
Они вершат над нами власть.
И помогают не упасть

Той планки ниже, где довольны,
Мы тем, что тем, кто рядом, больно
От наших взглядов, ритмов жизни.
Что не слезами, кровью брызнет.

Да, в молоке, что скоро скисло,
Куда как больше будет смысла.

Я теперь близорука...

Лунный свет... Перламутр. Кто-то муторно мудр.
И в волненьи ломая суставы ромашек,
Всё завидует тем, кто милее и краше.
Весь в цветочной пылице,
весь в цветах разных пудр.

Тем румянцем зари
Не смущен небосвод.
Он ведь тоже горит.
И лелеет его.
И влюблен в этот крик:
"Не хочу без тебя!"
Кто-то там говорит.
Я ж молчу с декабря.

Впрочем, люди не тут. Как цветы. Те - цветут.
И на месте растут. Без намёков и фальши.
Где же те, что смещаясь всё дальше и дальше,
Не простят и не верят, не ждут, не идут.

Чем же шарик надуть,
Кроме детского вздоха?
В чём себя упрекнуть?
"Ничего" или "Плохо"?
Ранят ветки сосны,
Их сжимавшую руку.
Жду тебя, как весны.
Я теперь близорука.

Содержание

Акт...	3 стр
***	3 стр
17 июля 2017	4 стр
3 и. ня 2017	4 стр
1979, март - 27 мая 2017	5 стр
А всё не так...	6 стр
Аленький цветочек	6 стр
Бестактен дождь...	7 стр
Бой	7 стр
Бухта Инал	8 стр
В лесу	9 стр
В манере дятла...	9 стр
В прострации	10 стр
Весенняя метель	10 стр
Видения	11 стр
Вне игры...	12 стр
Воронеж 2017	13 стр
Воспоминаний бойкое перо...	13 стр
Время...	14 стр
Время	15 стр
Голубое...	15 стр
Голубое утро	16 стр
Гравюра...	16 стр
Де	17 стр
День...	18 стр
День рождения... чей-то!	18 стр
Дети...	19 стр
Детство	20 стр
Дождями смыты вишен кулачки...	20 стр
Дом Музы	21 стр
Ещё пылает месяца тавро...	21 стр

Жизнь	22 стр
Жизнь. Галерея	23 стр
Земля у нас одна...	24 стр
Зола любви	24 стр
И мы могли бы!	25 стр
Иду послушать тишину...	26 стр
Истерика	26 стр
К чему?	27 стр
Калина дразнит мятым язычком	27 стр
Камин рассудка - письмо другу	28 стр
Канат реки...	29 стр
Канитель...	29 стр
Квадрат гипотенузы	30 стр
Кленовый лист	31 стр
Крошки жизни	31 стр
Кто-то ей ответил...	32 стр
Кубарем...	33 стр
Летим наверх...	34 стр
Летний дождь	34 стр
Лето...	35 стр
Листья -ми	35 стр
Листая старый календарь...	36 стр
Луна...	37 стр
Маме	37 стр
Межсезонье...	38 стр
Метель	39 стр
Мираж	40 стр
Миф	40 стр
Молись!	41 стр
Моргал глазами день осенний...	42 стр
Море...	43 стр

Московскому Другу	43 стр
Мудро	44 стр
Музыка...	44 стр
На сладкое...	45 стр
Не врите мне!	45 стр
Не всем...	46 стр
Не могу...	47 стр
не хватает...	48 стр
Непросто	49 стр
Неуловимое...	49 стр
Огонь	50 стр
Новолетье...	51 стр
Олимпиада	52 стр
Одиночество	53 стр
Они...	53 стр
Орган	53 стр
Осенний полдень	54 стр
По ту сторону...	55 стр
Парадокс	55 стр
Парить над суетой...	56 стр
Письмо другу	56 стр
Поверьте...	57 стр
Повинен...	57 стр
Проверка...	57 стр
Проклятье	58 стр
Прохожий...	58 стр
Птичка пьёт водичку	59 стр
Родные люди	59 стр
Сентябрь!?	60 стр
Серое...	60 стр
Сим и Хам	61 стр
Скучаю я...	62 стр

Снежинка	62 стр
Стеклярус смородины... ..	63 стр
Стерпится... ..	64 стр
Стирает осень позолоту года... ..	64 стр
Стирает май с календаря... ..	65 стр
Страсть	66 стр
Страхи... ..	66 стр
Стыдливость	67 стр
Судьба	67 стр
Там соловей... ..	68 стр
Сыну!	69 стр
Тем, кто дорос... ..	69 стр
Тета	70 стр
Точно... ..	70 стр
Три "не"	71 стр
Тюльпан	71 стр
У нас мороз на полустанке... ..	71 стр
Украдкой	72 стр
Улитка	73 стр
Ущербность	73 стр
Фата-моргана	73 стр
Хочу на море!	74 стр
Церковный хор... ..	75 стр
Чем?!	76 стр
Шутка	76 стр
Эль-Гурдака	77 стр
Эмпириокритицизм	77 стр
Я не хочу тебя обременять!	78 стр
Я против... ..	79 стр
Я теперь близорука... ..	80 стр